

конкретной исторической эпохи и культурной среды, формирующей и раскрывающей заложенный в личности творческий потенциал; создание биографии как формы культурного творчества; исследование человеческих и культурных контактов, повлиявших – прямо или опосредованно – на мировоззрение, творчество, выбор жизненного пути личности; моделирование психологического портрета личности, анализ её ментальности и поведенческого комплекса; выявление доминантных черт в системе художественно-эстетических (или научных) взглядов; определение роли и места творческой личности в истории, её ценностного вклада в культуру.

Используя «культурологию личности» как основополагающую методологическую установку изучения жизненного и творческого пути личности, мы хотим продемонстрировать, что вне истории, вне времени, а значит, – вне культуры – личности не существует. Культура делает человека личностью, но в то же время сама личность характеризует, специфицирует культуру. Рассматриваемая под таким культурологическим углом зрения личность раскрывается как обладающая интеллектуальным потенциалом, яркая творческая индивидуальность, реализуемая через единство биографии, коммуникации с культурной средой, совокупность мировоззренческих установок, ценностной значимости.

¹ ЛЕФ. 1923. № 1. С. 213. Цит. по: Белая Г. Два лика русского авангарда 20-х г. // Эстетическое самосознание русской культуры: 20-е годы XX века. Антология. М., 2003. С. 379.

² Библер В. Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М. М. Бахтина) // Одиссей. Человек в культуре. М., 1989. С. 39.

³ Гудкова А. А. Принципы соотношения личности художника и контекста эпохи в историко-культурном исследовании // Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х годов: Сб. науч. ст. / Составитель и ответственный редактор Г. И. Зверева. М., 2001. С. 123.

⁴ В истории русской общественно-политической мысли 1920-1930-х годов П. П. Сувчинский (1892 – 1985) больше известен как идеолог, организатор и активный участник евразийского движения. В историю культуры (преимущественно, французской) он вошел как Pierre Souvtchinsky – философ, публицист, историк музыки, критик, вдохновитель и организатор культурных проектов Русского зарубежья. В этом качестве его авторитет на Западе был очень велик. Сувчинский, подобно своему старшему современнику С.П. Дягилеву, много сделал как для распространения русской культуры на Западе, так и для разви-

тия европейской культуры XX века. Однако, в отличие от Дягилева, масштаб его личности по достоинству еще не оценен. Между тем, обладая ярким общественным темпераментом, универсализмом, будучи увлеченной натурой, Сувчинский всегда находился в эпицентре культурных событий и принадлежал к художественной элите Парижа. Он общался с видными политиками, философами, учеными, писателями своего времени, состоял в переписке с И. Стравинским, С. Прокофьевым, Б. Пастернаком, М. Цветаевой, М. Юдиной, Р. Шаром, А. Камю, Ж.-П. Сартром и многими другими.

⁵ Сувчинский П. П. Типы творчества. Памяти А. Блока // Петр Сувчинский и его время. М., 1999. С. 132.

⁶ Там же. С. 133.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 131.

⁹ Бежар М. Мгновение в жизни другого (книга 1). Мемуары. / М. Бежар. М., 1998. С. 27.

¹⁰ Сувчинский П. П. По поводу «Апокалипсиса нашего времени» // Петр Сувчинский и его время. Указ. изд. С. 153.

Г.С. СМИРНОВ

Ивановский государственный университет

ТРИ ВЛАДИМИРА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О НООСФЕРНОЙ ИСТОРИИ И НООСФЕРНОМ БУДУЩЕМ РОССИИ

XXI век — для России эпоха переосмысления всего гигантского пройденного страной пути. Каждая прошедшая эпоха создавала свои собственные мифы, прятала скелеты и страшные чучела в шкаф, чтобы никто не увидел, сочиняла оды и пыталась создать о себе желаемое представление. Теперь пришло время истины, современный человек глобального информационного общества может в действительности утвердиться в том, что «нет ничего тайного, чтобы не стало явным». Пришло время, когда каждая страна может и должна предъявить миру свои идущие из глубины веков цели и ценности.

Исторический персонализм в российской метаистории — спорная интерпретационная парадигма. Однако весьма не случайно, что почти тысячелетнюю историю России окаймляют имена Владимиров — Владимира Красное Солнышко и Владимира Владимировича. Эпоха жизни «в лад и мир» редко приходит на терри-

торию нашей страны, но когда эта эпоха наступает даже на короткое время, народ это чувствует и прочно сохраняет в памяти (даже НЭП Владимира Ульянова, несмотря на свою краткость, оставил для советского народа память-надежду, жившую вплоть до горбачевской перестройки).

Соединение в одном дискурсивном пространстве фигур Владимира Соловьёва (1853–1900), Владимира Ульянова (1870–1924) и Владимира Вернадского (1863–1945) может показаться некорректным, однако *с точки зрения принципа дополнительности* все три фигуры мыслителей отражают аттракторы будущего России: первый – самый отдаленный – софийного и богочеловеческого, второй – (по принципу противоположности) самый близкий – уравнительно-справедливого материально-экономического, а третий – (по принципу «среднего») – «позитивно-позитивистского» – ноосферно-реалистического. В социокультурном пространстве модели нового миропостроения представлены в традиционных философских формах: объективно-идеалистической (В.С. Соловьёв), диалектико-материалистической (В.И. Ульянов), реалистической (В.И. Вернадский). Именно по этой причине сведение таких противоречивых фигур не только корректно, но и даже необходимо для понимания судеб развития России. (Попытку такого рода сближения см.: Смирнов Г.С. Россия Вернадского: сравнительный анализ моделей миропостроения В.И. Вернадского и В.И. Ульянова-Ленина // Интеллигенция и мир. 2004. № 3–4.)

Обосновать целесообразность такой компаративистской работы поможет творчество В. И. Вернадского, анализирующего две парные картины «Четыре апостола» знаменитого немецкого художника Альбрехта Дюрера. В. И. Вернадский пишет: «Передо мной до сих пор стоят некоторые образы Дюрера, и я редко видел что-нибудь более могучее, более чудное, чем 4 фигуры апостолов... Сколько мысли в них, чувства и понимания всей силы религии. Это не обыкновенное изображение старой символики, где мысль и понимание пробиваются только рабски, исподтишка, – это мощное, яркое изображение и всей силы, всей прелести и всей мерзости страстных народных религиозных движений. В этих четырех лицах совместились все. Ты видишь глубоко проникающую в искание правды душу одних деятелей религии – они все

забывают, они совсем ушли в эту правду. Ты видишь, как рядом к этому же стремится и другое лицо, которое не может понимать всей сути, для которого дорога буква, который ближе к жизни – и который потому будет понятнее массам. Он в конкретных словах разъяснит то, что говорил другой, то, к чему мчались мысль и чувство другого, более глубоко понимающего человека. Он не поймет его, исказит его – но именно потому его поймут массы: потому что он ухватит частичку нового и соединит его с вековым, народным. Дюрер представил таким апостола Петра, с ключами от царства правды. Но вся фигура, лицо и выражение этих искателя-мыслителя и искателя-казуиста так цельно и глубоко переданы, как только можно их передать.

Рядом – другая группа. Это два строгих лица, это уже не мысль, а рука, это деятели. Один гневно смотрит кругом – он готов биться за правду. Он не пощадит врага, если только враг не перейдет на его сторону. Для распространения и силы своей идеи он хочет и власти, он способен вести толпу. Но он понимает, в чем дело. Это – боец-мыслитель. А рядом фанатичное зверское лицо четвертого апостола. Он мелкий деятель. Это не организатор, а исполнитель. Он не рассуждает, он горячо, резко, беспощадно-узко идет за эту идею. И вот в этих четырех деятелях – в этих четырех фигурах распространителей христианства мощный ум Дюрера выразил великую истину. Мечтатель и чистый, глубокий философ ищет и бьется за правду. От него является посредником более осязательный, но более низменный ученик. Он соединил новое со старым. И вот старыми средствами вводит это новое третий апостол – политик, а четвертый является уже совсем низменным выразителем толпы и её средств. Но он самый понятный и фактически самый сильный. Едва лишь может быть узнана мысль первого в оболочке четвертого, и так, частично, может пройти даже такое, что наиболее сильно и мощно влияло на человечество...» (Цит. по: В. И. Вернадский. Фотоальбом. М., 1988. С. 64–65). Думается, что увидеть в этих строчках лишь психологический анализ или срез социального бытия было бы слишком узко, в них бьется могучая философская мысль о сущности бытия человека в мире, во вселенной, о роли человека в преобразовании мира, о ноосферном потенциале личности.

Для метаистории наиболее значимыми оказываются те фигуры, которые создают огромные информационные пространства, выступающие *аттракторами* («манками») разной по своей природе силы. Наследие Владимира Соловьёва, как было заявлено при выпуске первых томов собрания сочинений, составляет 10 томов; полное собрание сочинений Владимира Ульянова, подготовленное Институтом Маркса, Энгельса, Ленина, составило 55 томов; наследие Владимира Вернадского по подсчетам биографов, знакомых с архивом академика, составило бы почти 100 томов. Конечно, дело не только в количестве написанного: культурная «трофическая пирамида» движения от эмпирического (научного) к философско-политическому и идеологическому и далее к религиозно-философскому имеет закономерные основания и позволяет понять логику обоснования моделей миропостроения, характерных для того или иного мыслителя. Важно, что российская культура творчеством очень различных её представителей заявила о своей полноте во всех сферах этнонационального бытия – от религиозно-философской до научной, от государственнической до народной.

Ноосферная история предстает как *вершинная история* – история эволюции сознания и духа, как на уровне этноса, так и на уровне человечества в целом. Основной ноосферный закон фиксирует специфику исторического развития в формуле «Информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество». В этой формулировке можно усмотреть субъективно-идеалистический пафос, учитывая, что носителем того или иного «портфеля информации» всегда является человек – персонаж государственной, церковной, научной или художественной истории, но в универсальном контексте *разведенность* духовного и телесного, материального и духовного *преодолевается*. Для информационного общества становится значительно более понятной *духовно-знаниевая подоплека* исторического развития и ноосферной динамики.

Философская дополненность в рамках «трех линий в философии» во многом определила и специфику мировидения и миропостроения апостолов российской ноосферной истории. *Философия миропостроения В. С. Соловьёва* проистекает из представлений о целом знании, о природе софийности, о тен-

денциях богочеловеческого развития цивилизации, в её основе лежит античная триада «Истина – Добро – Красота», взятая как Любовь. Для *философии миропостроения В. И. Ульянова* характерны доминанты народной самоорганизации, «русского бунта бессмысленного и беспощадного», материально-экономической справедливости, ригоризма и самоограничения в русле революционной («иезуитской» или «исихастской») морали и этики. Бунт народа против власти предстает восстанием «детей», желающих быть свободными, против «отцов», желающих продлить всеобщую «крепостную» зависимость. Для В. И. Вернадского характерна *философия ноосферного миропостроения*, при котором научная мысль как планетное явление всегда сохраняется в культурном контексте, который и спасает цивилизацию сциентизма, от саморазрушения и разрушения природы.

Отметим, что все три модели миропостроения отражают специфику развития на различных уровнях культурности как в контексте системности культуры в целом (искусство, религия, философия, наука), так и системности общества (человек и Богочеловечество, господствующие и эксплуатируемые классы, народ и власть).

Весьма интересно выстраивается взаимосвязь между русскими мыслителями в геополитическом измерении. На первый взгляд, все они представители европейской традиции, но для каждого из них характерна своя особенность «европейскости»: для В. С. Соловьёва на первый план выходит общехристианский концепт культурной Европы, для В. И. Ульянова – протестно-протестанская культура европейского развития, для В. И. Вернадского доминантной оказывается европейская научная традиция, которая интенсивно обретает общемировые размеры. В этом смысле тенденция движения от европейскости к евразийскости и далее к общемировой культурности наиболее ярко проявилась по-разному в творчестве мыслителей.

В образах трех мыслителей перед нами предстают и различные формы культурной биогеохимической энергии и разные модели деятельности, поведения и общения, а также измерения экологии культуры. Когда сейчас российский этнос определяет формы своего дальнейшего вхождения в будущее, он не может игнорировать апробированные модусы российской культуры.